

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Особая ПРИМЕТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Особая примета / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235449-6

1948 год. В поселке под Казанью задушена бельевой веревкой женщина-сторож продовольственного склада. Задержанные по горячим следам подозреваемые после тщательной проверки оказываются не причастными к делу. Вскоре происходит второе похожее убийство: и снова убита женщина, и орудие преступления — веревка... Майор Виталий Щелкунов замечает на месте преступления небольшой круглый след. Очень похоже, что убийца ходит с тростью. Сыщики воспрянули духом — хромого душегуба искать намного легче! Однако восторг оперативников вскоре остудили показания очередной жертвы, чудом спасшейся из лап маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235449-6

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

КОГДА ПЛАЧЕТ РЕБЕНОК — ЭТО ВСЕГДА ПЛОХО

Конец ноября больше напоминал настоящую зиму, нежели позднюю осень. В самом городе снега намело целые сугробы; на широких тротуарах были проложены узкие тропинки, а водителям автомобилей приходилось проявлять недюжинное мастерство, чтобы разъехаться со встречным транспортом: загодя прижиматься вплотную к бордюрам, порой останавливаться и пропускать встречные машины. Так было в городе. А в городском поселке Каравеево, несмотря на то что в нем расположены два крупнейших завода Казани — авиационный и моторостроительный, — после обильного снегопада какое-то время вообще было ни пройти ни проехать. Снегоуборочная техника не справлялась с бедствием — сумела расчистить лишь узкие по-

лоски на федеральных трассах, необходимые для жизнеобеспечения города и для полноценного функционирования военных предприятий.

Снежная история повторялась едва ли не каждый год, к катаклизмам жители давно привыкли, сумели даже приноровиться, а потому особенно на них не сетовали.

Степан Григорьевич Милютин, человек возраста уже пенсионного, но все еще крепкий, возвращался из гостей, будучи в крепком подпитии. Нагрянула тьма, зародив свет и звуки: где-то у частных строений вспыхнуло пламя свечи, раздался женский смех. Дорога, которую он в обычные дни проходил безо всяких трудностей, на этот раз оказалась ему полосой с препятствиями: без конца поскользывался и падал, его то и дело сносило с узкой тропы куда-то вбок, а тут еще и ухабы! Проваливаясь в снег едва ли не по колено, Милютин, зачерпывая снег в ботинки (чего он, собственно, совсем не замечал), чертыхался, потом брал себя в руки, выбирался на тропу и продолжал нелегкий путь, стараясь держаться при этом как можно ровнее. Проходя мимо одноэтажного здания продуктового склада отдела рабочего снабжения, обслуживающего две столовые моторостроительного «Завода № 16», овощную лавку, два ларька и один продук-

товый магазин, Степан Григорьевич услышал вдалеке детский горький плач, неприятно резанувший его слух. Милютин удивленно огляделся — поблизости нигде жилых домов не наблюдалось, и вообще местность во всякое время года оставалась малолюдной — и решил, что ему просто померещилось: мало ли что может почудиться спяну.

Невесело хмыкнув, Степан Григорьевич поплелся дальше, но плач неожиданно повторился. Теперь ребенок рыдал безостановочно, буквально захлебываясь слезами, — вряд ли этот плач был вызван винными парами, кружившими голову мужчины. Похоже, что где-то на территории склада действительно находился плачущий ребенок. Прислушавшись, Милютин понял, что плач доносился откуда-то из-за высокой желтой стены здания продовольственного склада ОРСа. Вот только невозможно было определить, откуда именно он раздавался: со двора или все-таки откуда-то из помещения. Он повертел головой. В осеннем небе вдруг затлели звезды, они то вдруг неожиданно вспыхивали, а то вновь, заслоненные перистыми облаками, начинали гаснуть. Покрытое темными пятнами, на запад уходило красноликое солнце.

Если ребенок находился на улице, то не было никакого шанса, что его голос услышит сторож.

Обратная сторона стены оставалась глухой, окна в ней отсутствовали, складская дверь наверняка была закрыта на крепкий запор ввиду вечернего расписания. А сам охранник, скорее всего, пребывал где-то в глубине помещений, а возможно, расположившись в тепле и не ведая о происходящей трагедии, попивал за столом чай с пряниками.

Но как в таком случае ребенок оказался один на улице? Загадка...

Что делать в этой ситуации, Степан Григорьевич совершенно не знал. Он даже приостановился, стараясь обдумать ситуацию и отыскать наиболее правильное решение. Однако голова работала прескверно: мысли путались, обрывались, не желали складываться в единую картину (надо бы, конечно, прекращать с этими вечерними посиделками, да и здоровье уже не такое, как в молодости)...

Ситуация могла выглядеть и по-другому: возможно, что ребенка забыли в помещении склада и он остался один-одинешенек? А что, если сторож склада, взявший с собой ребенка на дежурство, вдруг в одночасье помер и дите осталось внутри рядом с трупом? Тут и взрослый бы запаниковал, а что в таком случае говорить о малыше. И вообще: когда дети плачут — это всегда скверно.

Значит, происходит (или произошло) нечто весьма ужасное. Надлежало что-то предпринять. Но вот что?

Идти разыскивать ребенка во дворе? Но где его в темноте отыщешь? Тут сам можешь потеряться! А потом что делать с дитем, если все-таки его найдешь? Ну, предположим, нашел, укутал беднягу, а дальше как поступить?

Если стучать в двери склада, так могут и не открыть. У них свое расписание. Еще и подстрелить могут откуда-нибудь из-за угла. Нынешнее время — оно такое... И будут правы!

Какое-то время Степан Григорьевич еще думал, как поступить. Затем развернулся и потопал к отделению милиции, благо что находилось оно недалеко. Прошагав сотню метров, подумал о том, что сейчас его почему-то вбок не заносило. Очевидно, решение добровольно посетить отделение милиции мобилизовало его силы...

Когда Милютин открыл дверь отделения, едва не столкнулся с сержантом милиции, пыхнув на него стойким водочным духом. Тот невольно остановился, преграждая дорогу Милютину, спросил:

— А вы, гражданин, по какой такой надобности к нам явились? Да еще так крепко выпивши? Сдаваться, что ли, пришли? Если так, тогда милости

просим! У нас как раз час назад обезьянник освобо-
бодился.

— Там ребенок... — выпалил Степан Григорьевич, указывая рукой в сторону улицы.

— Там тоже ребенок, — указал сержант в противоположную сторону. — И что с того? Сам видел, в «царь горы» играют! Детей там много. Идите отсюда, гражданин. Иначе шчас заберем вас, и будете у нас до утра куковать, покуда не протрезвеете.

— Да там дите ревет, надрывается, мочи нет это слышать. Я оттуда только что вернулся, не мог дальше идти. Может статься, что над ним измывается кто-то нехороший. А может, потерялся малыш. Уж больно горько плачет, вы бы выяснили, товарищ милиционер, — добавил Степан Григорьевич, изо всех сил стараясь казаться трезвым.

Ситуация и в самом деле складывалась не лучшим образом для Степана Григорьевича: вломился в отделение милиции, пребывая в крепком подпитии, и что-то там стал требовать. Это равносильно тому, как если бы разбить стеклянную витрину в дорогом магазине и стоять рядышком, покуривая, дожидаясь, когда тебя заберет наряд милиции. И то и другое несусветная глупость!

Сержант во все глаза смотрел на Милютину, готовый схватить его за шиворот, вывести из отделе-

ния и сильным пинком спровадить в заснеженную даль. И тут Степан Григорьевич услышал из комнаты за деревянным барьером звонкий голос с начальническими нотками:

— Где это, гражданин?

— Около склада ОРСа.

— Ладно, Паша. Сходи с ним. Глянь, что там за ребенок плачет. Если наврал чего — тащи его обратно. Оформим за хулиганку... Уроком на будущее ему будет.

Сержант недобро глянул (наверняка на вечер у него были другие планы) на неожиданного вечернего гостя, с каждым выдохом источающего тяжелое амбре, и произнес:

— Пошли. Но коли наврал что — смотри... Тебя предупредили! И без тебя сейчас проблем выше крыши!

Оба пошли по направлению к складу ОРСа, над трубой которого висела полоска черного дыма.

Под ногами мужчин хрустел свежевывавший снежок. Милютин, пряча лицо от порывов студеного ветра, шел торопливо, немного впереди, словно куда-то опаздывал. Позади, мысленно его проклиная на все лады, шел сержант милиции Паша: газетку в дежурке было читать куда приятнее, нежели брести куда-то в поздний вечер. Если

бы не хруст снега, было бы абсолютно тихо. Как бывает в самом начале зимы, когда воздух становится сырым и тяжелым.

Когда подошли к складу, слышали детский плач.

— Ну, а я что говорил? — победно глянул на сержанта Милютин. Он чувствовал себя если не героем, то уж точно человеком, выполнившим сложное и ответственное задание.

Сержант Паша молча посмотрел на выпившего мужчину, хотел, верно, что-то ответить, но сдержался.

Подошли поближе. Пытаясь понять, откуда именно доносятся рыдания.

— Похоже, что внутри складского помещения плачет, — предположил сержант.

Они обошли одноэтажное складское строение и подошли к входным дверям. Одна створка дверей была приоткрыта. Паша, нахмутив брови, глянул на оробевшего Милютина, отстранил его рукой вбок и, достав из кобуры пистолет, бочком протиснулся в дверной проем, хотя можно было попросту открыть дверь пошире.

Коридор, начинающийся от самых дверей, был пуст. Плач ребенка доносился откуда-то из самого конца коридора. Когда сержант осторожно прошел

до конца коридора и заглянул в открытую дверь, откуда и доносился плач, увидел белокурую женщину лет тридцати, одетую в синий служебный халат, лежащую на топчане. Ее остекленевшие глаза смотрели куда-то вбок и вверх. Рядом с ней, у ее изголовья, стояла девочка лет шести, одетая в серое демисезонное пальтишко, на голове вязаная синяя шапочка, и горько рыдала. Кажется, она осознавала произошедшую трагедию, но принять случившееся не могла.

Сержант милиции неодобрительно покачал головой, явно сочувствуя ребенку, а потом подошел к топчану и посмотрел на тело женщины. На тонкой посиневшей шее виднелись явные следы удушья. Ни изнасилования, ни избиения, похоже, не было. Нагоняя жути, где-то совсем рядом завибрировала проснувшаяся в тепле муха.

Присев на корточки, Павел приобнял девочку за худенькие плечики и ласково произнес:

— Я дядя милиционер... Пойдем со мной, малышка.

Выражение его лица было уже иным, нежели когда он только ступил в коридор. По его лицу было заметно, что, несмотря на свои молодые годы, он успел многое повидать, однако сопереживать чужому горю не разучился.

— А мама? — доверчиво посмотрела на него девочка.

— Мама сильно заболела, — не нашелся более ничего сказать сержант милиции. — Мы вызовем для нее врачей, и они отвезут ее в больницу.

— Зачем? — спросила девочка и всхлипнула. — Вы меня обманываете... Они же не смогут ее вылечить. Я уже не маленькая и знаю, что мамы больше нет. Она ведь умерла, верно? — снова посмотрела на милиционера девочка.

Сержант промолчал. Он не представлял, что следует отвечать в подобных случаях и надо ли говорить вообще. Он просто взял девочку за руку и вывел из каморки с топчаном и неподвижно лежащей на нем белокурой женщиной. В коридоре их поджидал Степан Григорьевич.

— Ну что там? — тревожно поинтересовался он.

— Ничего, — ответил сержант Паша, не считав нужным докладывать нетрезвому гражданину о трупе, и в свою очередь поинтересовался: — Как вас зовут?

— Милютин Степан Григорьевич, — последовал ответ.

— Вы можете постоять у входа на склад, пока я не вернусь со своими товарищами? — попросил

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

сержант уже с нотками уважения. — Если кто-то объявится, никого не пускать!

— Конечно, — ответил уже начавший потихоньку трезветь Степан Григорьевич. — А на вас я могу сослаться? Ну ежели кто-нибудь все же захочет пройти на склад?

— Можете, — утвердительно произнес милиционер. — Так и говорите: сержант Павел Удмуртов из тридцать пятого отделения милиции не велел никого пускать. Да я недолго...

Где-то далеко, через дорогу, танцевали всполохи огня. В действительности это был не костер, а догорали остатки дня.

Глава 2

НЕ НУЖНО ЛОХМАТИТЬ БАБУШКУ!

Отделы рабочего снабжения появились в городе вследствие выхода в свет Постановления Центрального комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР, принятого официально 4 декабря 1932 года. Теперь права у заводских управлений в деле снабжения рабочих питанием, одеждой, предметами первой необходимости значительно расширились. Заводоуправления многих крупных и средних промышленных предприятий, в том числе и «Завод № 16», выпускающий двигатели для самолетов, организовали такие отделы снабжения, первым и главным делом которых было обеспечение рабочих и служащих предприятия горячим питанием, рабочей одеждой, мылом, спичками и прочим товаром, без чего было трудно обойтись. А то и вовсе невозможно!

В годы войны именно ОРСы обеспечивали бесперебойное питание рабочих в дневные и ночные смены. Помимо обеспечения отделов рабочего снабжения из государственных фондов, продукты питания поступали также из подсобных хозяйств, умножившихся в годы войны многократно. Это были свинофермы, птичники, рыбные хозяйства, сады и огороды. После войны в условиях карточной системы ОРСы оставались главным подспорьем для рабочих и служащих тяжелой и машиностроительной отраслей и рабочих строительной отрасли. Именно отделы рабочего снабжения во многом помогали выживать огромным массам населения страны и большей части жителей Казани. Шутка ли: на базаре или рынке стоимость буханки хлеба практически равнялась или была чуть меньше месячной зарплаты рабочего машиностроительного предприятия. А на то, что можно было отоварить (естественно, за деньги) по карточкам, прокормить семью с несколькими детьми было очень проблематично...

После отмены карточной системы на продукты питания и промышленные товары и по завершении проведения денежной реформы в конце 1947 года базарные цены на продукты питания и прочие товары народного потребления были более или менее

приведены в соответствие с ценами государственными, хотя несколько и превышали их. Проблема продуктового дефицита и недоедания населения уже в сорок восьмом году практически сошла на нет. Однако рабочие заводов и фабрик все еще нуждались в горячем питании. Без него отрабатывать многочасовую смену было тяжело. И те, кто работал на предприятиях в ночь, тоже не прочь были подкрепиться в обеденный перерыв наваристым супчиком да горячим пюре или макаронами с котлетой.

Так что ОРСы хоть и выполнили свою основную задачу в годы войны и во времена карточной системы, по-прежнему были городу и государству необходимы. Это только кажется, что наступили другие времена. В действительности для человека мало что поменялось. Во все времена людям хотелось есть и пить. Только накормленному рабочему и думается хорошо, и работается с настроением.

Отделы рабочего снабжения как во время войны, так и после имели коллективы преимущественно женские (оно и понятно, всех мужиков повыбило, только калеки и остались). ОРС «Завода № 16» возглавляла также женщина — Зинаида Ивановна Коротченкова. И если склад ОРСа во время войны охраняло подразделение НКВД республики, то после войны до отмены карточек, то есть до

сорок седьмого года, на складе дежурил сменяющийся милицейский пост. А когда отменили карточную систему, необходимость специальной охраны склада как-то отпала сама собой. И с середины весны сорок восьмого года склад сторожила женщина по имени Глафира Петровна Хлопченко. Именно так звали молодую белокурую женщину, что недвижимо лежала теперь на топчане в складской каморке, уставившись невидящим взором куда-то вбок и вверх.

* * *

Вернулся сержант милиции Павел Удмуртов и правда скоро: стрелки часов показывали всего четверть десятого вечера. С ним прибыли еще трое. Верно, тоже из милиции. Один стал осматривать труп, другой — что-то записывать. Третий, что пришел вместе с сержантом Павлом Удмуртовым, стал расспрашивать Степана Григорьевича, как он услышал плач за стеной склада, в какое время, не видел ли он кого поблизости и что он, Степан Григорьевич, предпринял, определив, что на продуктовом складе ОРСа «Завода № 16» плачет ребенок.

Степан Милютин, почти протрезвевший, отвечал односложно. Теперь его мучила сухость в горле,

но где здесь можно выпить хотя бы стакан воды, он не знал. Детально, стараясь не пропустить даже мельчайших подробностей, принялся рассказывать обстоятельства случившегося. Плач ребенка он услышал, когда, возвращаясь из гостей, проходил мимо склада ОРСа моторостроительного завода. Поблизости склада никого из прохожих не видел; никто не попадался ему навстречу, и никого он не обгонял. А когда он услышал плач ребенка и определил, откуда он доносится, решил немедленно направиться в ближайшее отделение милиции, чтобы сообщить о детском плаче.

Когда Милютин рассказал о произошедшем, его отпустили, предварительно записав адрес его проживания и предупредив, что если он вдруг понадобится, то его вызовут. Домой Степан Григорьевич вернулся уже около полуночи и совершенно трезвый, что несказанно удивило его супругу Клавдию Васильевну.

— Ты где был? Скажи правду! — начала она допытываться у мужа, едва переступившего порог. У нее имелись серьезные основания полагать, что у супруга появилась молодая зазноба, и она задалась целью выяснить, кто это такая. — Опять где-то шляется!

Взгляд у супруги пыливый, ястребиный, от такого не увернешься.

— Да у Станкевичей я был, — искренне возмутился Степан Григорьевич.

— А что тогда трезвый? — прозвучал резонный вопрос жены, насквозь сверлящей его взглядом. Ведь от Станкевичей Милютин возвращался практически всегда на рогах.

— Протрезвел, пока шел, — честно ответил Степан Григорьевич.

Говорить про плач ребенка на складе ОРСа моторостроительного завода, добровольный визит в отделение милиции, про задушенную женщину, допрос и прочие перипетии, случившиеся с ним в этот злополучный вечер, Милютин не желал, да и резону особого не было, поскольку супружница ему все равно бы не поверила.

— Ага, рассказывай. Небось у Томки своей опять был, — прошипела с большой язвой в голосе Клавдия Васильевна.

— Какой еще Томки? — округлил глаза Степан Григорьевич, не сразу поняв, о ком идет речь.

— Какой, какой... — скривившись, передразнила мужа Клавдия Васильевна. — А той самой! Зиганшиной, вот какой!

— Не был я ни у какой Томки! — устало продолжал настаивать на своем Степан Григорьевич. Сейчас ему хотелось только покоя. Возмущение было

где-то праведным, потому что у Тамары Георгиевны Зиганшиной он не был уже месяцев восемь...

— Ты где-нибудь в другом месте будешь сказки свои рассказывать, — начала помалу отходить Клавдия Васильевна, убедившись, что муж вряд ли врет. За время их долгой совместной жизни она научилась различать, когда Милютин говорит правду, а когда откровенно лжет. Однако сдаваться сразу она не собиралась и добавила, как бы махнув рукой на ситуацию: — Скоро песок уже начнет сыпаться — а все туда же. Правду люди говорят: горбатого только могила исправит...

Тем временем в помещении продовольственного склада вовсю проводились следственно-оперативные мероприятия. Судмедэксперт, мужчина лет сорока пяти, раскрыв саквояж с инструментами в кармашках, вытащил из него анатомический пинцет, измерительную линейку, увеличительную лупу с ручкой, фонарь с подзарядным устройством и предметное плоское стекло с полосой для записи, принялся брать образцы тканей убитой женщины для проведения врачебной экспертизы. Эксперт-криминалист, сухощавый, с пронзительным взглядом, еще совсем молодой человек, склонный к глубокому анализу, старался отыскать хоть какие-нибудь улики — отпечатки пальцев, следы, волосы,